

УДК 316.334.55

СОЦИАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ*

В.В. Самсонов

Рассматриваются теоретические основания концепции «социального качества» как методологии комплексного исследования процессов социального развития территорий и сообществ. Анализируются ключевые элементы «социального качества», рассматривается проблема их взаимосвязи и приоритетности в исследовании.

Ключевые слова: социальное качество; инклюзия; эксклюзия; включенность; сплоченность; стратификация

Одной из актуальных проблем современного российского общества является неравномерность развития территорий. Вследствие разницы в первоначальных условиях и особенностей федеральной и региональной политики на пространстве современной России реализуется широкий спектр изменений. В географическом плане неоднородность российского общества приобретает самые разнообразные формы: параметры развития городов-мегаполисов, провинции и сельских территорий различаются не только в экономическом отношении, но также демографически, культурно и пр.

Традиционные показатели уровня развития социально-экономических систем, такие как, например, валовой внутренний продукт (в субъектах Федерации валовой региональный продукт), объем промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал, объем производства сельскохозяйственной продукции и тому подобные не являются точными и, что очень важно, достаточными критериями для оценки благосостояния страны или отдельных ее регионов. Валовой внутренний продукт как экономический показатель не учитывает и не отражает изменений, происходящих в приоритетах социальных ценностей общества в целом, в предпочтениях различных социальных групп и отдельных людей. Но именно эти факторы в настоящее время становятся все более и более важными. Даже интенсивные темпы валового экономического роста, порождающие общество

изобилия товаров, не являются идеалом, стремление к которому в безусловном порядке обеспечивает рост благосостояния и социальную умиротворенность граждан.

Как представляется, для всестороннего анализа качества развития территорий и отдельных сообществ необходимо учитывать все составные элементы социальной жизни, ее «социального качества», компонентами которого является ряд социальных и экономических факторов, в состав которых входит большое число различных индикаторов, в том числе и ранее используемые традиционные социологические и экономические показатели. Данные факторы охватывают как индивидуальное качество повседневной жизни, так и более широкий социальный контекст. Применяющие данную концепцию исследователи пытаются найти в ней баланс, с одной стороны, между индивидуальной самореализацией человека и его участием в различных коллективных объединениях; между биографическим и социальным развитием (уровнем личного действия и социальной структурой), а с другой — между формально-институциональным и неформальным уровнями взаимодействия.

В мировой исследовательской и практической литературе концепция «социального качества» используется для оценки макросоциальных стратегий основных социальных групп общества и определения успешности развития стран, территорий, сообществ различного

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ № 12-03-00578

уровня. К примеру, современные ежегодные социально-статистические отчеты ЕС («Социальная ситуация в Европейском союзе») концентрируются на тематике социального качества. Предпринимаются попытки подобных исследований применительно к условиям Азии. «Социальное качество сегодня, вероятно, представляет собой наиболее полно теоретизированный и операционализированный целостный социальный конструкт качества жизни» [4, р. 176], который принимают во внимание при выработке не только социальной, но и экономической и экологической политики. Концепция «социального качества» отличается от методологии измерения «качества жизни» тем, что она затрагивает все сферы повседневной жизни и позволяет разрабатывать стратегические решения на базе комплексной оценки социальных процессов.

Теория социального качества основывается на четырех предположениях:

1) человек по своей сущности является социальным существом;

2) существует конституирующая взаимозависимость, диалектика между самореализацией людей как социальных существ и процессами формирования коллективных тождеств. Эта диалектика и есть реализация «социального»;

3) наиболее важны две группы противоречий: (а) между социетальным и «биографическим», индивидуальным развитием (первоначально характеризуемое как разрыв между макро- и микроуровнями); и (б) между формальным уровнем систем, институтов и организаций и неформальным «жизненным миром» семьи, группы и сообществ;

4) социальные изменения происходят в отношении взаимодействия между вторым и третьим пунктами [10, р. 25].

Социальное качество определяется как «степень, в которой люди в состоянии участвовать в общественных отношениях при условии увеличения их благосостояния, возможностей и индивидуального потенциала» [10, р. 25], охватывая групповой (коллективный) и индивидуальный уровни. Таким образом, под социальным качеством понимается способность больших групп общества, территориальных сообществ и отдельных индивидов вносить вклад в его выживание, развитие и благополучие.

Социальное качество коллектива — это не только накопление жизненного качества каждого из его отдельных участников: оно включает в себя эмерджентно-коллективные и индивидуальные признаки. Его воплощение — общество, которое не только экономически успешно, но также способствует социальному участию и социальной справедливости. Общество с высоким уровнем социального качества описывается его исследователями следующим образом: «Граждане должны иметь возможность и обязаны участвовать в социально-экономической жизни общества и делать это такими способами, которые увеличивают их благосостояние, их индивидуальный потенциал и процветание сообщества. Для этого граждане должны иметь доступ к необходимому уровню экономической безопасности и быть социально включены, проживая в сплоченных сообществах, и имея определенные властные полномочия, в целях развития их потенциала во всей полноте. Другими словами, социальное качество зависит от степени, в которой экономическим, социальным и политическим гражданством обладают все жители» [12, р. 109].

Понятие социального качества всестороннее, охватывает объективные и субъективные показатели. Исследователи выделяют три основных фактора (элемента) социального качества, социально-экономическую безопасность, социальное включение и социальное сплочение [7]:

Социально-экономическая безопасность — степень, в которой у человека имеются достаточные ресурсы в течение продолжительного времени как условие для процесса самореализации. У социально-экономической безопасности есть два аспекта: (1) факторы благосостояния, которые гарантируют базовую экзистенциальную безопасность граждан (доход, социальная защита, здоровье); безопасность повседневной жизни (качество пищевых продуктов, проблема охраны окружающей среды, безопасность на работе) и внутренняя свобода; безопасность и правосудие; (2) жизненные возможности людей: «здесь цель состоит в увеличении числа альтернативных вариантов, между которыми человек может выбирать» [7, р. 341]. Российские исследователи также склонны связывать отношение населения к местному самоуправлению, готовность принимать в нем уча-

стие с реальным социально-экономическим положением населения [2].

Социальное включение (social inclusion) — степень, в которой у индивидов имеется доступ к институтам и общественным отношениям. Этот фактор обращается к проблеме участия и к процессам включения в коллективные идентичности и реалии, которые определяют самореализацию. Социальное включение связано с принципами равенства, справедливости и их структурных причин. Его основание — гражданство, которое «связано с возможностью участия в экономических, политических, социальных и культурных системах и учреждениях (институтах)» [7, р. 346].

Социальное сплочение лежит в природе общественных отношений, основанных на разделяемых тождествах, ценностях и нормах. Социальное сплочение отсылает к солидарности как основанию коллективных идентичностей и проявляется в процессах, которые создают, защищают или подрывают социальные сети и социальные инфраструктуры, подкрепляющие эти сети. Надлежащий уровень социального сплочения — тот, который позволяет гражданам «существовать как реальные человеческие существа, как социальные субъекты» [9, р. 284].

Выделенные компоненты не являются ортогональными (непересекаемыми), они часто взаимодействуют и дополняют друг друга, но взятые вместе в качестве качественных компонентов социальных феноменов представляют всестороннюю модель, отражающую динамические и структурно-функциональные характеристики развития общества.

Как представляется, первичными факторами неудовлетворительного развития сообществ, территорий, индивидуумов выступают условия социально-экономической безопасности. Особенно показателен приоритет этого элемента качества социального развития при анализе социальной ситуации в российских условиях, показывающем, что депрессивное развитие провинции или сельской «глубинки» зачастую вызвано последствиями «трансформационного шока», проявляющимися в низких показателях социально-экономической безопасности и признаках социально-политической эксклюзии населения (что означает, в первую очередь, гражданскую пассивность, равнодушие к вопросам гражданской, социальной субъектности).

С практической точки зрения подход, основанный на изучении «материальных» причин социальной эксклюзии, является, вероятно, самым простым в использовании, поскольку позволяет оперировать традиционными индикаторами социально-экономического развития и социального самочувствия. Наиболее детально разработанная концепция анализа уровней социальной эксклюзии позволяет выделить и идентифицировать разнопорядковые факторы, способствующие маргинализации. Исследователями выделены и различные уровни исследования эксклюзии, начиная с индивидуального, или биографического, уровня, переходящего затем на уровень соседской группы или сети («социальный» или «жизненный» мир) и, наконец, — на социетальный или структурный уровень [13].

Социетальный, или структурный, уровень. Здесь недостаток включенности проявляется с точки зрения социальной фрагментации, аномии, антагонизма и отчуждения. Присутствует также недоверие к учреждениям (институтам) и властям. Отсутствие доступа к ресурсам проявляется в проблемах, связанных с полноценным питанием и увеличивающейся дихотомией между имущими и неимущими. Таким образом, говоря об эксклюзии на структурном уровне, исследователи описывают фрагментированные, отчужденные, лишённые доверия друг к другу группы и сообщества, подозреваемые остальной частью общества, и возможно небезосновательно, в иждивенческих (или корыстолюбивых) настроениях, прибегающие к услугам незаконных структур (формирующие их) и антагонистичные всему обществу [5]. Подобным образом (структурно) исключены из социальной жизни беженцы, незаконные мигранты и другие меньшинства.

Уровень «жизненного мира» (территорий, соседских групп, сетей). Нехватка принадлежности здесь проявляется в местной (территориальной) сегрегации и разъединении. Отсутствие сотрудничества (кооперации), нездоровые отношения между соседями или внутри территориального сообщества — все это является результатом нехватки доверия. Низкое качество местной инфраструктуры и общественных служб, включая медицинское обслуживание, школ и жилья является проявлением недоступности необходимых ресурсов «жизненного ми-

ра». В социальном отношении исключенные сообщества или территории, представлены поселениями, экономическая и социальная среда которых одинаково неразвиты, и в которой отсутствуют возможности социального роста. Члены таких сообществ презираемы и избегаемы членами других, более благополучных сообществ; классический пример исключенного в социальном отношении сообщества — это гетто или «глубинка».

Биографический, индивидуальный уровень. Признаком нехватки принадлежности к социуму выступают одиночество, изоляция, низкое самоуважение. Скорее всего, такие индивидуумы характеризуются недостаточным доверием к людям, персонам, символизирующим власть; лишение доступа к ресурсам проявляется в безработице и отсутствии жизненных возможностей. Таким образом, в социальном отношении исключенные индивиды характеризуются как люди, имеющие низкое чувство собственного достоинства, отдаленные от социальной, политической и экономической (формальной) активности, не участвующие в «нормальной» общественной жизни. Типичный пример индивидуального проявления социальной маргинализации — бездомные, алкоголики, наркоманы, члены «проблемных семей».

Идентификация разных уровней и взаимосвязи между ними обеспечивает важный шаг вперед в операционализации понятия социальной эксклюзии. При этом разные уровни анализа допускают интеграцию различных объяснительных уровней при исследовании причин социальной эксклюзии и выявлении ее степени. Группы факторов структурного и «миро-жизненного» уровней, относящиеся к социальной сегрегации могут быть выявлены непосредственно на биографическом уровне. Так, причины, по которым некоторые индивидуумы или группы могут быть безработными, отчужденными от политики и испытывать недоверие к полиции и другим представителям власти, могут быть определены как факторы, препятствующие трудоустройству, связанные со структурной принадлежностью, нехваткой доверия и ресурсов. Часть причин, ведущих к маргинализации индивидуумов, носит локальный характер (уровень «жизненного мира»), поскольку они проживают в социально исключенных сообществах, а часть — структурный уровень.

Факторы разных уровней взаимодействуют совокупно, что приводит к кумулятивному результату.

В научной литературе обращение к тематике социальной включенности (social inclusion) происходит реже, чем к проблематике социальной эксклюзии (social exclusion). Такое положение дел было бы оправданным, если бы включенность и эксклюзия были бы просто двумя полюсами единого континуума или двумя сторонами одного явления. Хотя большая часть исследователей по умолчанию подразумевает это, ученые, напрямую обращающиеся к проблеме соотношения двух понятий, настаивают на их внеположенности. Г. Штейнерт [8, р. 6] характеризует участие как активную ответственную деятельность, различая интеграцию и участие как возможные противоположности понятию эксклюзии. Он полагает, что интеграция (синонимичная «включенности»), требующая соответствия социальным нормам и правилам, является слишком пассивным и потенциально непродуктивным процессом. В этом он перекликается с исследователями, отмечающими, что общества, чрезвычайно интегрированные в социальном отношении, — могут характеризоваться значительным статусно-властным неравенством, и настаивающими поэтому на необходимости снижения дифференциации доходов различных страт в целях борьбы с социальной маргинализацией (эксклюзией) [3].

Социологи А. Вокер и А. Вигфилд также считают, что социальная включенность не просто противоположность эксклюзии [11]. Они сравнивают социальную включенность и эксклюзию следующим образом: если следствием эксклюзии является отказ от некоторых атрибутов гражданственности (их не-реализация), то социальная включенность является уровнем, на котором формируется гражданская позиция. Формально мы могли бы определить социальное включение как состояние, в котором люди чувствуют себя интегрированными (что соответствует действительности) в различные процессы, организации, подсистемы и структуры, которые составляют повседневную жизнь. Однако необходимо также учитывать, что социальное включение не просто противоположность исключения, поскольку представляет собой базис, отправную точку для «позитивного»

(активного) гражданства. Таким образом, высокая степень социальной включенности требует активного осмысленного участия в общественных делах, обладания гражданскими полномочиями и реализации этих возможностей, а не просто интеграции в пределах неравноправного и жестко иерархизированного общества, поэтому говорить об оппозиции эксклюзии/инклюзии уместно именно в рамках теории, сосредоточенной на политических аспектах социальной жизни.

Следует признать проблематичный характер формирования условий для социальной включенности в большинстве современных обществ. Даже в относительно благополучных странах, таких как США или современная Россия, можно наблюдать одновременно крайнюю социальную дифференциацию и высокий уровень географической сегрегации, что проявляется в наличии почти полностью маргинализованных и лишенных какой-либо связи с властью сообществ типа «гетто» и их противоположности — сообществ «элиты», «отделенных от массы и изолированных в поселениях, напоминающих средневековые замки, или крепости, защищаемых частной охраной и высокотехнологичными системами безопасности» [5]. В контексте оппозиции эксклюзии/инклюзии можно говорить о континууме, где на одном конце находятся сообщества и индивиды, находящиеся в состоянии «двойной эксклюзии», а на другом — добровольно исключаящиеся из жизни социума, с различными промежуточными степенями пространственной и социальной сегрегации. Прерывистая «двойная эксклюзия» характерна только для некоторых, крайне дифференцированных обществ, таких, например, как США [3].

Исследования социального развития сельских территорий в России показывают, что современное сельское сообщество, даже обладая выраженной локальной идентичностью, не является субъектом власти и локальной политики: отсутствие активной социально-политической позиции характеризует не только отношение рядовых жителей к самоуправлению, но и более широкие вопросы публичной, общественной жизни. Рыночные преобразования в сельском социуме привели к формированию феномена «двойной эксклюзии», связанной с процессами социально-географической и

отраслевой стратификации (в котором сельское население оказывается в неравных условиях по сравнению с городским) и социальной дифференциации, приводящей к маргинализации отдельных личностей, социальных групп и целых сообществ. Социальные и экономические условия напрямую оказывают воздействие на процессы политического участия, включенности сообществ [1].

Учитывая, что большинство исследователей трактуют социальное сплочение как позитивное явление, а социальную эксклюзию — как отрицательное, то можно допустить, что два этих конструкта должны быть причинно связаны: возрастание уровня социального сплочения должно привести к снижению социальной эксклюзии, или высокая степень социальной эксклюзии подразумевает низкий уровень социальной сплоченности.

Данное положение представляется крайне спорным. Здесь уместно привести различие между «сильным» и «слабым» сообществом [6]. Яркий дисбаланс между социальным сплочением и социальным включением представляет собой стратифицированное общество, поделенное на условную (внутренне сплоченную) элиту, в полной мере обладающую социальной и политической субъектностью и, с другой стороны, лишенное ряда прав, исключенное из социальной жизни большинство (образцы таких социумов — рабовладельческое общество древней Спарты, средневековое феодальное общество, современные олигархические режимы). К «сильному сообществу» элиты (с высоким уровнем социальной включенности) достаточно сложно присоединиться; оно также предъявляет высокие требования, невыполнение которых грозит исключением из сообщества. Примером противоположной крайности является «сообщество бедных». В таком «слабом сообществе» критерии для включения менее строги, и поэтому меньшее число участников рискует быть исключенным из него (при этом все объединение может быть практически не включено в социальную жизнь общества, такие как гетто или другие сообщества, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии с точки зрения географической стратификации). Таким образом, возникает парадокс, проявляющийся в противоречивости корреляции между социальным сплочением, социальным включением и социальной

экслюзией, а также противоречие между качеством и количеством. Приведенный пример показывает, что высококачественное социальное сплочение и высококачественное социальное включение могут быть причинно связаны со значительной (количественно) социальной экс-клюдией — высокий уровень включенности (среди членов сообщества) может одновременно совмещаться с большим числом людей, социально исключенных.

Кроме того, можно отметить, что «сильное» и «слабое» сообщество взаимосвязаны и обусловлены жесткой, противоестественной поляризацией социума, причем фактор, обуславливающий жесткую структурированность, относится больше к ряду показателей социально-экономической безопасности и может быть с достаточной объективностью измерен (как индикаторы доходов и благосостояния различных страт населения) и оценен. В случае высокого своего значения индикатор неравенства сигнализирует о том, что в социуме складываются предпосылки для группового сплочения и основания для формирования экслюзии на всех трех уровнях: структурном, «жизненного мира», биографическом.

В то же время показатели социального (материального) неравенства не являются достаточным и единственным мерилom социального качества развития общества, да и степени (качества) сплоченности/ общества. Так, в случае низких значений индикаторов социально-экономической безопасности гомогенное общество может характеризоваться низким уровнем доверия людей друг к другу и институтам. С другой стороны, социальное неравенство не всегда является абсолютным препятствием к социальной сплоченности и участию граждан в жизни общества (история знает немало количество примеров объединения жестко стратифицированных обществ в противостоянии, например, внешней агрессии), в то время как свободно социально структурированное, гетерогенное или плюралистическое общество, характеризующееся относительным равенством и низким уровнем (порогом) исключения, может быть разобщенным, т.е. характеризоваться более низким уровнем социального сплочения.

Приведенный пример еще раз показывает, что невозможно выделить какой-либо элемент, принимаемый во внимание концепцией качест-

ва жизни, и редуцировать к нему уровень социального развития в других сферах. Невозможно дать и комплексную характеристику направленности социальных процессов, базируясь только на социологических или только на статических, экономических показателях. Концепция «социального качества» связывает концепт социального сплочения, отражающий интегративную силу социальных связей сообщества, с балансом между социальной включенностью (инклюзией) и маргинализацией (экслюзией), поскольку этот баланс отражает взаимосвязь социальных и экономических процессов на коллективном и индивидуальном уровнях. Конечно, исследователь может в определенной конкретной ситуации выделить тот или иной элемент социального качества как ключевой, определяющий состояние других областей социального развития. Однако при этом следует принимать во внимание, что порядок значимости этих факторов в других условиях может измениться, что требует изменения исследовательской перспективы.

Список литературы

1. Зазулина М.П. Местное самоуправление в современной России: формальные институты и неформальные практики (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2012.
2. Мартынов М.Ю. Местное сообщество и социально-экономическая основа местного самоуправления // Социс. 2003. №8. С. 50–54.
3. Barry B. Social Isolation and the Distribution of Income. L.: London School of Economics, 1998.
4. Phillips D. Quality of life. Concept, policy and practice. N.Y.: Routledge, 2006.
5. Phillips D. Social inclusion, social exclusion and social cohesion: tensions in a post-industrial world. URL: www.welfareasia.org (date of use: 29.12.12).
6. Shafir G., Peled Y. Citizenship and stratification in an ethnic democracy // Ethnic and Racial Studies. 1998. №21. P.408–427.
7. Social Quality: a Vision for Europe / ed. by Beck W., van der Maesen L., Thomese G. & Walker A. The Hague: Kluwer Law International, 2001.
8. Steinert H. Introduction: the culture of welfare and exclusion // Welfare Policy From Below: Struggles Against Social Exclusion in Europe / ed. by Steinert H. & Pilgrim A. Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2003.

9. *The Social Quality of Europe* / ed. by Beck W., van der Maesen L. & Walker A. The Hague: Kluwer Law International, 1997.
 10. *Theoretical Foundations* for forthcoming third book on social quality. Chapter 3. European Foundation for Social Quality / ed. by Beck W., van der Maesen L. & Walker A. 2007.
 11. Walker A. & Wigfield A. The social inclusion component of social quality. Amsterdam, EFSQ, 2003. P.1–31.
 12. Walker A. The Amsterdam declaration on the social quality of Europe // *European Journal of Social Work*. 1998. №1. P.109–110.
 13. Wessels B., Miedema S. Towards understanding situations of social exclusion // *Welfare Policy From Below: Struggles Against Social Exclusion in Europe* / ed. by Steinert H. & Pilgrim A. Aldershot, Ashgate, 2002. P.61–76.
-

SOCIAL QUALITY OF TERRITORIES DEVELOPMENT:
MEASUREMENT PROBLEMS

Vsevolod V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia*

In the paper the theoretical bases of the concept of «social quality» as methodology of complex research of processes of social development of territories and communities are considered. Key elements of «social quality» are analyzed, the problem of their interrelation and it's priority in research is considered.

Key words: social quality; inclusion; exclusion; cohesion; stratification; empowerment.